

Власть против Церкви: политический и идеологический бэкграунд кризиса в Армении

Атанесян Э. Б.

Аннотация

В статье анализируется развивающийся конфликт между Правительством Н. Пашиняна и Армянской Апостольской Церковью (ААЦ). Представлены исторические основания «симфонии» светской и духовной властей и причины возникновения конфликта непосредственно после «Бархатной революции» 2018 года. Особое внимание уделяется эскалации 2024–2025 гг., включая аресты иерархов, что является беспрецедентным явлением со времен советского террора 1930-х годов, а также отмечается сдержанная реакция официальных структур США и ЕС на фоне значительно более активной позиции христианских и общехристианских организаций.

Рассматриваются политические и идеологические предпосылки противостояния. К политическим факторам относятся позиция ААЦ по Арцахскому вопросу, роль и значение ее Арцахской епархии в контексте внешнеполитической повестки, продвигаемой Азербайджаном. Идеологические факторы связаны с курсом Армении на евроинтеграцию и «проблематичными» обязательствами перед ЕС. Эти процессы рассматриваются в сравнительном контексте с позициями духовных властей Грузии, Молдовы, Украины и Сербии. Дополнительно анализируется аналогичная позиция ряда религиозных организаций, действующих в Республике Армения.

«Իշխանությունն ընդդեմ Եկեղեցու. Ճգնաժամի քաղաքական ու գաղափարական ենթահիմքերը Հայաստանում»

Աթանեսյան Է. Բ.

Սեղմագիր

Հոդվածում վերլուծվում է ՀՀ Ն. Փաշինյանի Կառավարության և Հայ Առաքելական Եկեղեցու (ՀԱԵ) միջև զարգացող կոնֆլիկտը: Ներկայացվում են աշխարհիկ և հոգևոր իշխանությունների «սիմֆոնիայի» պատմական հիմքերը, ինչպես նաև կոնֆլիկտի առաջացման պատճառները 2018 թվականի «Թավշյա հեղափոխությունից» անմիջապես հետո: Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում 2024–2025 թվականների սրմանը, ներառյալ եկեղեցականների ձերբակալությունները, ինչը համարվում է աննախադեպ երևույթ՝ սկսած 1930-ականների խորհրդային տիրապետությունից: Նշվում է նաև ԱՄՆ և ԵՄ պաշտոնական կառույցների զուսպ արձագանքը՝ ի հակադրություն քրիստոնեական և համաքրիստոնեական կազմակերպությունների ակտիվ դիրքորոշման:

Վերլուծվում են դիմակայության քաղաքական և գաղափարական նախադրյալները: Քաղաքական գործոններին են դասվում ՀԱԵ-ի դիրքորոշումը Արցախյան հարցի վերաբերյալ, ինչպես նաև նրա Արցախի թեմի դերն ու նշանակությունը՝ Ադրբեջանի կողմից առաջ մղվող արտաքին քաղաքական օրակարգի համարեքստում: Գաղափարական գործոնները կապված են Հայաստանի եվրոպական ինտեգրման ուղեգծի և ԵՄ առջև ծառայած «խնդիրահարույց» պարտավորությունների հետ: Այս իրավիճակը դիտարկվում է համեմատական համարեքստում՝ Վրաստանի, Մոլդովայի, Ուկրաինայի և Սերբիայի հոգևոր իշխանությունների դիրքորոշման հետ: Քննարկվում է նաև ՀՀ-ում գործող մի շարք կրոնական կազմակերպությունների նմանապիպ դիրքորոշումը:

State vs. Church: the political and ideological background of the crisis in Armenia

Atanesyan E. B.

Summary

The article analyzes the evolving conflict between Nikol Pashinyan's Government and the Armenian Apostolic Church (AAC). It presents the historical foundations of the "Symphony" (harmony) between the secular and spiritual authorities and the reasons for the conflict's emergence immediately following the 2018 "Velvet Revolution". Particular attention is paid to the escalation of 2024–2025, including the arrests of hierarchs, an unprecedented phenomenon since the Soviet terror of the 1930s. The article notes the muted response from official US and EU structures amidst the active stance of Christian and pan-Christian organizations.

The political and ideological preconditions of the confrontation are analyzed. Political factors include the AAC's position on the Artsakh issue and the role and significance of its Artsakh Diocese within the context of the foreign policy agenda promoted by Azerbaijan. Ideological factors are connected with Armenia's course toward Eurointegration and "problematic" commitments to the EU. This situation is considered in a comparative context with the positions of the spiritual authorities in Georgia, Moldova, Ukraine, and Serbia. The analogous stance of a number of other religious organizations operating in the Republic of Armenia is also examined.

Власть против Церкви: политический и идеологический бэкграунд кризиса в Армении²

1. Историческая синергия и современный разрыв

“Habere iam non potest Deum Patrem, qui Ecclesiam non habet matrem”³.
Св. Киприан Карфагенский, «О единстве Церкви», около 251 г. н. э.

Одним из уникальных аспектов принятия Арменией христианства как государственной религии стал фактор синергии духовной и светской власти. Именно Армения стала первым государством в мире, где светские (царские, государственные) законы и учение Христа были гармонизированы в рамках единой государственно-правовой системы, став, по сути, воплощением предложения царя Абгара Христу – править вместе. В этом и заключалась, по сути, духовная миссия армянского государства (а не только народа как паствы): быть первым в деле созидания «Христугодной» системы государственного управления.

Принятие христианства как государственной религии коренным образом изменило отношение самой власти к человеку: отныне мирские правители должны были действовать в рамках христианских ценностей, а не объявлять себя «живыми богами», которым дозволено все. Неслучайно, что менее чем через столетие именно в Армении при Католикосе Нерсесе Великом была разработана система социальной защиты населения, включавшая в себя открытие лечебниц, приютов, заботу о сиротах, централизованную помощь крестьянам в неурожайные годы, бережное отношение к природе и т. д. До аналогичной философии государственной политики в социальной сфере страны Европы дошли лишь спустя более чем 15 веков.

Известно, что ААЦ играла значимую роль и в периоды отсутствия национальной государственности, оставаясь единственной национальной структурой, формировавшей единую духовно-религиозную, культурно-образовательную и социальную повестку для народа, разделенного политически и географически. И на протяжении столетий дела Церкви – независимо от политической конъюнктуры и несмотря на внутренние проблемы и эксцессы, обусловленные человеческой природой ее служителей, – за редким исключением становились предметом прямого вмешательства извне; не ставились под сомнение механизмы формирования церковной иерархии и правомочность принятия ею решений.

Тем не менее в современной Армении, несмотря на наличие национальной государственности, сложилась принципиально иная ситуация. Власть инициировала

---

¹ Историк-международник, к.п.н. Автор монографии и более десятка научных статей и публикаций. В прошлом – ученый-аналитик Национального института стратегических исследований (ИНСИ) МО РА. С августа 2022 по апрель 2024 г. – директор Фонда национального развития «Амроц». С мая 2024 г. – соучредитель и директор Армянского аналитического центра «АРВАК».

² Статья представлена в редакцию 27.11.2025.

³ (Лат.) *Tot ne может иметь своим Отцом Бога, кто не имеет свою Матерью Церковь*. Более известен современный, краткий вариант изречения: *«Кому Церковь не Мать, тому и Бог не Отец»*.

уголовные дела в отношении архиепископов ААЦ и, в обход собственных институтов и внутренних механизмов Церкви, напрямую выдвигает требование пожизненно избранному главе ААЦ отказаться от занимаемого им сана – уйти в отставку. Высшее должностное лицо РА отказывается признавать правомочия лица, избранного Высшим духовным советом ААЦ, называя Гарегина II-го его мирским именем – Ктрич Нерсисян. Более того, премьер-министр РА Н. Пашинян открыто и недвусмысленно заявляет, что у «ААЦ нет Католикоса, есть человек, который находится в этом статусе незаконно»⁴. Таким образом, глава РА пытается делегитимировать Католикоса Гарегина II-го и любые его действия на международной арене. Складывается парадоксальная ситуация: Гарегина II-го как главу ААЦ признает «*весь мир*» – за исключением, собственно, властей РА.

2. Предыстория

Конфликт между правительством РА и главой ААЦ резко обострился после ареста нескольких высокопоставленных священнослужителей и задержания множества других низшего ранга, достигнув своего апогея в конце ноября 2025 года. В рассматриваемый период группа епископов Армянской Апостольской Церкви выступила с заявлением по поводу видеозаписи скандального характера, приписываемой архиепископу Аршаку Хачатряню. В документе выражался протест против бездействия Католикоса Гарегина II и утверждалось, что результаты экспертизы видеозаписи, подтверждающие ее подлинность, были представлены Католикосу Гарегину II, однако он их проигнорировал. Епископы осудили попытки скрыть действия главы канцелярии Эчмиадзина и выразили недоверие руководству Церкви. Заявление было подписано 9-ю из 13-и иерархов ААЦ, упомянутых в документе. В свою очередь директор информационной службы Св. Эчмиадзина иерей Есаи Артемян заявил, что документ содержит искажения и ряд сведений не соответствует действительности⁵. Заявление епископов стало частью более широкого конфликта между правительством и Католикосом Гарегин II, усилив давление на церковное руководство. Между тем премьер-министр РА Н. Пашинян поддержал позицию епископов, заявив: «*Как последователь Армянской Апостольской Церкви, с сыновней смиренностью и преданностью я принимаю это заявление*»⁶. 27 ноября 2025 г. он принял группу епископов, подчеркнув важность их позиции и готовность к диалогу⁷.

---

⁴ Никол Пашинян: у Армянской Апостольской Церкви сегодня нет Католикоса. *Общественное радио Армении*, 06.11.2025, <https://ru.armradio.am/2025/11/06/никол-пашинян-у-армянской-апостольск/> (дата обращения: 28.11.2025).

⁵ Эчмиадзин прокомментировал утверждения о заявлении епископов. *Еркрас*, 27.11.2025, <https://yerkras.org/article/198883/echmiadzin-prokommentiroval-utverzheniya-o-zayavlenii-episkopov> (дата обращения: 25.11.2025).

⁶ «С сыновней смиренностью принимаю это»: Пашинян прокомментировал заявление епископов и пригласил духовенство на встречу. *Armenia Today*, 27.11.2025, <https://armeniatoday.am/politics-ru/994788/> (дата обращения: 25.11.2025).

⁷ Премьер-министр Пашинян принял группу епископов Армянской Апостольской церкви. *Арменпресс*, 27.11.2025, <https://armenpress.am/ru/article/1236227> (дата обращения: 27.11.2025).

Таким образом, заявление епископов стало важным шагом внутрицерковной оппозиции Католикосу и усилило политический конфликт вокруг видеозаписи, связанной с архиепископом Аршаком Хачатрянном.

В одной из наших [публикаций](#) на сайте АРВАК мы уже выражали мнение, что кампания, инициированная политическими властями Армении против главы ААЦ, обусловлена причинами несколько иного порядка, нежели те, которые были заявлены Н. Пашиняном как мотивировавшие его на попытки «очищения» Церкви и «возвращения ее народу». Мы обращали внимание на **синхронность** заявлений руководителя УМК А. Пашазаде и самого Н. Пашиняна против ААЦ на фоне стартовавшей по инициативе Св. Эчмиадзина в мае 2025 г. в швейцарском Берне международной конференции Всемирного совета церквей под названием «*Религиозная свобода: сохранение армянского духовного, культурного и исторического наследия в Арцахе*». В настоящей же статье, наряду с собственно политическими аспектами проблемы, мы попытаемся также затронуть некоторые идеологические основы нынешнего конфликта.

Противостояние между иерархами ААЦ и нынешними властями Армении не является новым явлением. Оно началось сразу после т. н. «*Бархатной революции*» 2018 г. и развивалось в два этапа. Уже в мае-июне 2018 г. группы гражданских активистов и сторонников революции инициировали движение «Новая Армения, Новый Патриарх», главным требованием которого была отставка Католикоса всех армян Гарегина II.

Тогда же, в октябре 2018 г., правительство РА отклонило законодательную инициативу депутатов фракции РПА о предоставлении постоянной государственной охраны Католикосу всех армян – охраны, которая ранее предоставлялась по усмотрению властей. Никол Пашинян заявил, что «*не нужно создавать впечатление, будто безопасности Католикоса что-то угрожает*», подчеркнув, что правительство способно обеспечить его безопасность и без закрепления этого в законе⁸. В рассматриваемый период активисты обвиняли высшее руководство Церкви в тесных связях с «*прежним режимом*» и в коррупции. Протестующие (включая нескольких священников) врывались в резиденцию Католикоса в Св. Эчмиадзине. В этот период правительство Н. Пашиняна заняло позицию формального нейтралитета. Тем не менее руководство ААЦ восприняло это молчание и бездействие правоохранительных органов как молчаливую поддержку «*нападок*» и попытку «*обезглавить*» Церковь руками активистов.

В 2019 г. конфликт вступил в фазу прямого политического и идеологического столкновения. Министерство образования РА инициировало реформу государственного стандарта общего образования, предложив исключить обязательный предмет «История Армянской Церкви» из школьной программы. В 2020 г., при утверждении плана действий со стороны правительства, было подтверждено, что «История Армянской Церкви» как отдельная дисциплина будет изъята, а его содержание будет «*распределено*» между другими школьными предметами: *историческая часть* должна была войти в предмет «История Армении», *культурная часть* (например, шараканы) – в предмет «Музыка», а

---

⁸ Правительство Армении отказало в предоставлении охраны Католикосу. *Epress.am*, 25.10.2018, <https://epress.am/ru/2018/10/25/Правительство-Армении-отказало-в-пре.html> (дата обращения: 28.11.2025).

воспитательная часть — в предмет «Обществоведение». Спустя несколько лет, в июле 2024 г., Гарегин II с сожалением отметил, что в 2024-25 учебном году предмет будет преподаваться только в 9-ых и 11-ых классах. Он также заявил, что с 2026 г. предмет «История Армянской Церкви» будет полностью исключен из образовательной программы как отдельная дисциплина. Формальным объяснением этих шагов стал нарратив о том, что Церковь не может иметь собственной, отдельной от армянского народа, истории⁹.

Между тем в 2019-ом году, одновременно с изменениями в школьной программе, правительство начало подготовку к ратификации Стамбульской конвенции, и ААЦ расценила оба шага как прямую атаку на свою роль в формировании национальной идентичности, назвав их «*антинациональными*» и несущими угрозу традиционной семье в связи с введением понятия «*гендер*». 2019 год стал знаковым и в связи с резонансным выступлением трансгендерной активистки Лилит Мартиросян с трибуны парламента РА¹⁰.

Отношения между Н. Пашиняном и Гарегином II стали крайне напряженными начиная с 2021 г., после поражения в Арцахской войне. Одним из самых обсуждаемых и символических эпизодов конфликта между нынешней властью и ААЦ стали события, связанные с участием Католикоса и представителей высшего духовенства в мемориальных мероприятиях 28 мая 2024 года. В ходе празднования Дня Республики в мемориальном комплексе «Сардарapat» Служба государственной охраны (СГО) не пропустила Гарегина II и сопровождавших его священнослужителей к главному мемориалу, где в тот момент находились премьер-министр Н. Пашинян и высшее руководство страны. Сотрудники СГО заблокировали Католикосу и сопровождавшим его священнослужителям проход к трибуне, ссылаясь на протокол безопасности и «*приказ*». В результате Католикос всех армян был вынужден ожидать, пока официальная делегация во главе с Н. Пашиняном не покинет мемориал. Лишь после этого ему и духовенству было разрешено пройти и возложить цветы.

Инцидент был воспринят общественностью как сознательный политический акт. Событие имело место на пике протестного движения «Тавуш во имя Родины», возглавляемого архиепископом Баграмом Галстаняном. Правительство обвиняло Церковь (и лично Католикоса) во вмешательстве в политику с целью свержения власти¹¹. Первопрестольный Св. Эчмиадзин осудил произошедшее, назвав его очередным эпизодом позорной и антинациональной деятельности властей¹². В свою очередь

---

⁹ В последствии, как известно, ревизии подверглась и сама «История Армении», которой, в конечном итоге, надлежит ограничиться историей исключительно «*Реальной Армении*» – Республикой Армения.

¹⁰ Тогда Н. Пашинян осудил угрозы в адрес активистки, но в то же время жестко раскритиковал организаторов слушаний в парламенте за «*провокацию*» и несоблюдение протокола, тем самым дистанцировавшись от самого выступления. Тем не менее консервативные круги обвинили его в том, что он допустил обсуждение темы меньшинств. По их словам, при Н. Пашиняне «*агенты влияния*» получили беспрецедентную свободу действий.

¹¹ См.: Аршалуйс Мгдесян, Армения: раскол между церковью и властями усиливается. Eurasia.net, 03.07.2023, <https://russian.eurasianet.org/армения-раскол-между-церковью-и-властями-усиливается> (дата обращения: 25.11.2025).

¹² Подобные действия являются очередным эпизодом позорной и антинациональной деятельности властей: Первопрестольный Эчмиадзин. «Альфа-ньюз», 28.05.2024, <https://alphanews.am/ru/podobnie-deystviya-yavlyayutsya-ocheredni/> (дата обращения: 28.11.2025).

проправительственные круги настаивали, что СГО действовала по протоколу, обеспечивая безопасность премьер-министра от «провокаций» со стороны церковной делегации, которая, по их мнению, пришла на мероприятие с политическими, а не духовными целями. Таким образом, в мае 2024 г. имело место физическое воспрепятствование Католикосу в исполнении его церемониальных обязанностей вместе с руководством государства. Аналогичным образом в 2023 г. Общественное телевидение Армении впервые с момента провозглашения независимости Республики отказалось транслировать новогоднее обращение Католикоса всех армян Гарегина II, которое по многолетней традиции выходило в эфир до речи руководителя страны¹³.

3. Эскалация и международная реакция

Ситуация, когда несколько высших иерархов ААЦ одновременно находятся под арестом или следствием — как, например, архиепископы Баграт Галстанян, Микаэл Аджапахян и епископ Мкртыч Прошян в 2024–2025 гг. — является беспрецедентной для Третьей Республики (с 1991 г.). Единственным историческим аналогом массовых арестов высшего духовенства ААЦ является период «*Большого террора*» в СССР (1937–1938 гг.), кульминацией которого стало убийство Католикоса Хорена I агентами НКВД.

На фоне этих событий последовала ожидаемая реакция ряда международных неправительственных и религиозных структур. В июле 2025 г. *Christian Solidarity International* (CSI), *Coptic Solidarity* и *SOS Chrétiens d'Orient* призвали правительство Армении «прекратить преследование Армянской Апостольской Церкви», осудив аресты священнослужителей¹⁴.

В июле 2025 года выступил с заявлением и Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), выразив обеспокоенность действиями правоохранительных органов в Первопрестольном Св. Эчмиадзине и задержанием духовенства. ВСЦ призывал правительство Армении «обеспечить защиту, достоинство и законные права всех религиозных лидеров и учреждений» и «воздерживаться от действий или заявлений, которые могут быть восприняты как целенаправленное давление на религиозные структуры»¹⁵. Аналогичную обеспокоенность выразила и Русская Православная Церковь. Эти организации рассматривают действия армянских властей, включая

¹³ Первопрестольный Эчмиадзин заявил об отказе ОТА от трансляции обращения Католикоса.

Armenia Today, 31.12.2023, <https://armeniatoday.am/society-ru/697375/> (дата обращения: 28.11.2025).

¹⁴ CSI призывает Армению прекратить преследование Церкви, PanARMENIAN.Net, 25.07.2025, <https://panarmenian.net/m/rus/news/324652> (дата обращения: 25.11.2025); Международные организации требуют прекратить преследование Армянской Церкви. Информационно-аналитический центр VERELQ, 21.07.2025, <https://verelq.am/ru/node/162490> (дата обращения: 25.11.2025);

¹⁵ Всемирный совет церквей выразил обеспокоенность в связи с последними событиями вокруг Армянской Апостольской Церкви – заявление. Aysor.am, 08.07.2025, <https://www.aysor.am/ru/news/2025/07/08/%D0%92%D0%A1%D0%A6/2401304> (дата обращения: 25.11.2025); Всемирный совет церквей обеспокоен последними событиями вокруг Армянской Церкви. Ekramas, 09.07.2025, <https://yerkramas.org/article/197417/vsemirnyj-socket-cerkvej-obespokoen-poslednimi-sobytyami-vokrug-armyanskoj-cerkvi> (дата обращения: 25.11.2025); Всемирный совет церквей обеспокоен действиями силовиков в Эчмиадзине и призывает власти Армении обеспечить права всех религиозных лидеров. Новости-Армения, 08.07.2025, <https://newsarmenia.am/news/armenia/vsemirnyy-socket-tserkvey-obespoken-deystviyami-silovikov-v-echmiadzine-i-prizyvaet-vlasti-armenii-o/> (дата обращения: 25.11.2025).

аресты священнослужителей и риторику премьер-министра Н. Пашиняна, как прямое вмешательство в автономию Церкви и нарушение 17-й статьи Конституции Армении.

Тем не менее ключевые внешние акторы-партнеры РА – США и Европейский Союз – в целом сохраняют нейтралитет. В ежегодных отчетах о свободе вероисповедания (*USCIRF*, Госдепартамент) за 2024–2025 гг. основное внимание уделялось уничтожению Азербайджаном армянского наследия в Нагорном Карабахе¹⁶, при этом внутренний конфликт правительства Н. Пашиняна и ААЦ не был квалифицирован как «преследование». Хотя отчет за 2023 г. упоминал о «напряженности» (в частности, об исключении курса «История Армянской церкви» из школьной программы вопреки возражениям ААЦ), эти действия не были квалифицированы как преследование. В августе 2025 г. в *USCIRF* был представлен доклад о действиях властей Армении против ААЦ, однако официальной реакции со стороны Комиссии или Госдепартамента на эти новые события пока не последовало. Отчет *Freedom House* за 2025 г. также фокусируется на политических процессах, выборах и недостаточной защите прав профсоюзов, не выделяя конфликт правительства и ААЦ как центральную проблему¹⁷.

Что касается официальных структур Европейского Союза, включая Европейскую службу внешних связей (EEAS), на данный момент европейские институты не опубликовали заявлений, осуждающих действия правительства Армении в отношении Церкви. Их внимание сосредоточено на выполнении Арменией обязательств по соглашению СЕРА и других аспектах реформ. Более того, 29 июня 2025 г. президент Франции Эммануэль Макрон заверил в своей «солидарности» премьер-министра Армении Никола Пашиняна, осуществившего аресты и другие меры насильственного характера против ААЦ. Макрон сделал это заявление в своем аккаунте X, разместив пост на армянском языке, где он также выразил свою поддержку «демократии», «миру» и «открытым границам»¹⁸.

Официальный Ереван обвинения отрицает, позиционируя свои действия как строго юридические процессы, направленные против политического вмешательства Церкви в государственные дела.

4. Политические причины: позиция ААЦ

Было бы наивным считать, что конфликт между светской и духовной властью Армении обусловлен лишь межличностной неприязнью их глав, поскольку

---

¹⁶ В ежегодном отчете США о свободе вероисповедания за 2025 год рассматривается продолжающееся разрушение армянских памятников Азербайджаном в Нагорном Карабахе. *Monument Watch*, <https://monumentwatch.org/ru/2025/04/13/в-ежегодном-отчёте-сша-о-свободе-верои/> (дата обращения: 25.11.2025); См.: видео релиза отчета USCIRF 2025: “The U.S. Commission on International Religious Freedom (USCIRF) held the release of its 2025 Annual Report”. https://www.youtube.com/watch?v=KTB7ML6_eSs (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁷ См.: “Freedom in the World 2025/ Armenia: 54”. Freedom House, <https://freedomhouse.org/country/armenia/freedom-world/2025> (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁸ CSI: Макрон заявил о поддержке Францией давления на Армянскую Апостольскую церковь. «Голос Армении», 04.07.2025, <https://www.golosarmenii.am/csi-makron-zayavil-o-podderzhke-franciej-davleniya-na-armyanskuyu-apostolskuyu-cerkov/> (дата обращения: 25.11.2025).

планируемая светскими властями РА смена верховного иерарха ААЦ¹⁹ сама по себе не устраняет глубинные причины существующего напряжения.

Церковные иерархи воспринимают политику светских властей как радикальное «переосмысление» ключевых идей, лежащих в основе современной армянской идентичности. Это касается как вопроса международного признания Геноцида армян, имеющего первостепенное значение для армянской диаспоры; так и роли христианства в жизни армянского государства и общества; а также наиболее «осязаемого» компонента данной политики – проблемы Нагорного Карабаха (Арцаха).

После 2020 г. ААЦ стала главным институтом, оспаривающим политику правительства в отношении Арцаха, включая фактический отказ от защиты и продвижения коллективных и иных прав покинувших регион арцахцев, возвращения армянских пленников, а также сохранения культурно-духовного наследия и т. д.²⁰ На фоне игнорирования данных вопросов со стороны политических властей их курс на нормализацию отношений с Баку и Анкарой подвергается критике со стороны отдельных священнослужителей и иерархов Церкви, которые требуют приоритета защиты прав арцахцев и сохранения исторического наследия.

Проблема имеет и четко выраженную церковную компоненту – вопрос Арцахской епархии ААЦ. После насильственного перемещения армян в 2023 г. Арцахская епархия действует в изгнании на территории Армении. В контексте внутривластных процессов правительство Н. Пашиняна рассматривает епархию и ее духовенство (теперь, как представляется, за исключением епископа Вртанеса Абрамяна) как неотъемлемую часть оппозиционного движения «Тавуш во имя Родины», которое возглавил другой высокопоставленный священнослужитель – архиепископ Баграт Галстанян²¹. Духовенство Арцахской епархии и ее паства стали одними из наиболее резких критиков политики правительства, обвиняя его в «предательстве» и «сдаче» Арцаха²². Правительство Армении, в свою очередь, обвиняет ААЦ (и Арцахскую епархию как ее часть) во вмешательстве в государственную политику и попытках дестабилизировать ситуацию, рассматривая епархию как «реваншистскую» силу и часть «старого режима» (ассоциируемого с «карабахским кланом»), стремящегося вернуть себе власть.

Действия правительства РА в 2024–2025 гг., включая аресты священнослужителей и давление на церковных деятелей, охарактеризованные ААЦ и международными христианскими организациями как «преследования», затрагивают и духовенство

---

¹⁹ Пашинян разработал и опубликовал план смещения Католикоса всех армян Гарегина II. *Новое Время*, 23.07.2025, <https://nv.am/pashinyan-razrabotal-i-opublikoval-plan-smeshheniya-katolikosa-vseh-armyan-garegina-ii/> (дата обращения: 25.11.2025).

²⁰ "Когда молчит власть – говорит Церковь: ААЦ выносит вопрос Арцаха на международную арену". *Verelq News*, 30.05.2025, <https://verelq.am/ru/node/160517> (дата обращения: 25.11.2025).

²¹ "Арцахская епархия ААЦ поддержала движение «Тавуш во имя Родины»". *Alphanews*, 07.05.2024, <https://alphanews.am/ru/artsahskaya-eparhiya-aats-podderzhala-dvi/>; "Арцахская епархия ААЦ призывает присоединиться к маршу движения «Тавуш во имя Армении»", *SLAQ*, 07.05.2024, <https://www.slaq.am/ru/news/arcashtskaya-eparhiya-aac-prizyvaet-prisoedinit-sya-k-marshu-dvizheniya-tavush-vo-imya-armenii> (дата обращения: 19.11.2025).

²² «Hetq: Ованаванк – собственность Эчмиадзина. А арцахские церкви?» *Step 1*, 26.10.2025, <https://step1.am/ru/2025/10/26/34538/> (дата обращения: 19.11.2025).

Арцахской епархии, активно участвующее в протестном движении²³. На официальном уровне правительство не оспаривает, что Арцахская епархия является канонической структурой Армянской Апостольской Церкви. Однако в политической риторике власти подчеркивают, что вопросы управления церковным имуществом, оставшимся в Нагорном Карабахе, а также статус самой епархии в изгнании являются предметом сложных дискуссий. На практике правительство дистанцировалось от защиты наследия ААЦ в Арцахе, переложив эту ответственность на международные суды и саму ААЦ.

В распространенном внутри властных кругов дискурсе действия властей против священнослужителей трактуются как ответ на эту внутри- и внешнеполитическую активность, мешающую, по мнению правительства, установлению окончательного мира в регионе и сотрудничеству Еревана с Баку и Анкарой. В аналогичном ключе ситуацию с ААЦ интерпретируют некоторые представители азербайджанского истеблишмента, включая главу «Духовного управления мусульман Кавказа» Аллахшукюра Пашазаде. Они выступают с резкой критикой ААЦ и утверждают, что само существование Армянской Церкви препятствует наступлению постконфликтной идиллии в регионе.

В качестве одного из обоснований своей жесткой позиции против Гарегина II-го власти Армении ссылаются на нарушение целибата Католикосом и другими церковниками, что, по мнению властей, автоматически лишает их занимаемого сана. При этом легитимность и правомочия священнослужителей, рукоположенных тем же Католикосом, но перешедших на сторону Н. Пашиняна, как будто остаются неприкосновенными. Власти при этом обходят молчанием вопросы, связанные с имущественными и иными правами самой Церкви (будь то в Иерусалиме или Арцахе), предпочитая говорить о проблемах и неприемлемых явлениях в самой ААЦ. Внутриполитическая интерпретация ситуации предполагает, что позиция ААЦ делает ее потенциальным союзником сил, которые будут голосовать против партии власти.

Не исключая вероятность подобного сценария, следует отметить, что несмотря на позицию ряда священнослужителей ААЦ по актуальным проблемам армянской действительности и критику «Карабахской политики» правительства, и даже на приписываемое ей активное участие в политической жизни посредством движения «Священная борьба», ААЦ была и остается аполитичной структурой. Церковь как институт не может участвовать в политической борьбе за власть: у нее нет и не может быть предвыборной программы, списка кандидатов, электората и т. д. Если формально рассматривать наличие у ААЦ подобного «политического пакета», то аналогичные права имели бы и другие религиозные структуры, действующие в РА – например, «Свидетели Иеговы», мормоны или Церковь «Слово жизни».

Священнослужители ААЦ, будучи гражданами РА, могут участвовать в выборах парламента и органов местного самоуправления, высказываться о тех или иных законопроектах, однако выдвигаться на выборные позиции могут исключительно в

---

²³ «Непристойное и неподобающее»: Лидеры церкви осуждают нападки Пашиняна на духовенство». *Armenian Weekly*, 04.06.2025, <https://armenianweekly.com/2025/06/04/profane-and-unbecoming-church-leaders-condemn-prime-minister-pashinyans-attacks-on-clergy/> (дата обращения: 19.11.2025).

качестве частных лиц, а не как представители Церкви; при этом необходимо «заморозить» или сложить с себя церковные обязанности. В этой связи необходимо отметить, что даже предложение архиерею Ширакской епархии ААЦ, архиепископу М. Аджапахяну, возглавить оппозиционные силы в борьбе с действующим режимом возникло не внутри Церкви, а в оппозиционных кругах, рассматривавших кандидатуру архиепископа как компромиссную фигуру для раздираемой внутренними противоречиями оппозиции.

Между тем, значимость иерархов ААЦ в повестке политического руководства Армении определяется не столько ее «внутриполитическим» весом – который, как показали события, оказался относительно скромным – сколько их потенциальной ролью в грядущем клубке внешнеполитических проблем, которые рано или поздно будут затронуты в общем контексте «регионального урегулирования».

Прежде всего это касается проблемы будущего Арцахской епархии ААЦ – епархии в изгнании. В ноябре 2023 г. Высший духовный совет ААЦ постановил, что Арцахская епархия сохраняет свой канонический статус. Иными словами, хотя епархия *де факто* прекратила функционировать на своей канонической территории, *де юре* (юридически и канонически) она продолжает существовать: правящий архиерей (епископ) и духовенство эвакуировались вместе со своей паствой (арцахскими беженцами). Епархия воссоздала свои административные структуры в изгнании (в данном случае – в Ереване) и продолжает окормлять свою паству (арцахских беженцев), сохраняя свой исторический титул и претендуя на возвращение на свою каноническую территорию²⁴.

В отличие от Арцахской государственности, которую власти РА считают «самораспустившейся» в силу тех или иных политико-правовых актов, аналогичный сценарий в случае с Арцахской епархией невозможен вне зависимости от личной позиции ее предстоятеля. Во-первых, это внутреннее дело Церкви, и в общецерковной (не только ААЦ) истории практически нет известных прецедентов, когда материнская Церковь сама добровольно упразднила бы свою епархию из-за того, что ее территория была аннексирована противником. Причина этого кроется в каноническом праве и богословии:

1. Духовный суверенитет: Церковь претендует на духовную юрисдикцию над территорией и паствой (даже если паства изгнана) независимо от светской политической власти.

2. Историческая преемственность: упразднение епархии было бы равносильно духовной капитуляции и *де юре* признанию аннексии и ее необратимости.

3. Забота о пастве: даже если 99% паствы изгнано, епархия продолжает существовать для оставшихся, если таковые есть или для тех, кто может вернуться.

Если Арцахская епархия является примером первой модели, то реальным прецедентом существующей другой модели являются т. н. «спящие» или «титулярные» епархии. Этот прецедент является самым ярким примером того, как Церковь реагирует на необратимую потерю как территории, так и паствы. Так, после Геноцида понтийских греков и греко-турецкого обмена населением (1923 г.) миллионы православных греков были изгнаны из Анатолии (современная Турция). Десятки епархий (митрополий) Константинопольского

---

²⁴ «Вся деятельность Арцахской епархии направлена на сохранение единства и стойкости арцахцев». *Step 1*, 29.01.2025, <https://step1.am/ru/2025/01/29/24354/> (дата обращения: 23.11.2025).

Патриархата на территории Турции остались без единого верующего, однако Вселенский Патриархат Православной Церкви не упразднил эти епархии, и они существуют как «*титულлярные*» или «*вдовствующие*» престолы. Церковь продолжает назначать епископов и митрополитов на эти кафедры (например, Митрополит Эфесский, Митрополит Никейский), хотя на самом деле в этих городах отсутствует греческая паства. Главная цель подобных назначений – сохранение исторической преемственности и канонического права на территории, которые когда-то были центрами христианского мира. Кстати, епархии ААЦ на территории Западной Армении (современная Турция), уничтоженные во время Геноцида 1915 года (например, епархии Вана, Эрзурума, Трапезунда), Первопрестольным Св. Эчмиадзином формально не упразднены.

Таким образом, вопрос Арцаха как религиозно-духовной составляющей армянской действительности выходит за рамки политического или силового «разрешения» Карабахской проблемы, не подконтролен международным и *ad hoc* структурам, созданным или вовлеченным в его урегулирование (МГ ОБСЕ, Сопредседательство МГ, СБ ООН), и не зависит от позиции политического руководства РА. Это создает серьезные проблемы, прежде всего для Баку. Дело не только в том, что существование епархии подразумевает признание и сохранение ее прав на канонической территории. Речь также идет о статусе религиозных и культовых сооружений, культурно-исторического наследия и, в целом, о дальнейшей судьбе армянского историко-культурного наследия. В этом контексте само существование Арцахской епархии на данный момент является непреодолимым препятствием для Азербайджана в попытках реализовать собственный историко-идеологический сценарий разрешения Карабахской проблемы.

Как известно, попытки президента Ильхама Алиева и, в целом, азербайджанского государства добиться международного признания т. н. «*Албано-удинской христианской общины*» (АУХО), созданной азербайджанскими властями в 2003-ем году, представляют собой многолетнюю целенаправленную государственную политику Баку. Основная политическая цель этой инициативы – разорвать связь Арцаха с армянским наследием. При этом стратегия направлена не столько на поддержку самой удинской общины, насчитывающей несколько тысяч человек, сколько на решение **двух** ключевых геополитических и идеологических задач.

Во-первых, с приходом к власти И. Алиева Баку активизировал попытки подведения под Карабахскую проблематику «историко-идеологической» базы, основными постулатами которой являются тезисы о «*пришлости*» армян, якобы переселенных в Арцах Российской империей «*из Ирана и Восточной Анатолии*», а также о принадлежности всего христианского наследия края «*кавказским албанцам*», объявленным в Азербайджане предками современных азербайджанцев. В данном ключе официальная азербайджанская историография представляет монастырские комплексы Гандзасар, Дадиванк и, в целом, все духовно-религиозное наследие армянского Арцаха как «*албанское*», «*присвоенное*» ААЦ²⁵. С целью «легитимизации»

---

²⁵ Община отличилась рядом акций, в том числе – «*литургией*» в «*древнеалбанском*» храме на о. Ахтамар (оз. Ван). См.: “Udi propaganda as an expression of Azerbaijani politics”. *Monument Watch*,

своих «прав» и была создана т. н. «Албано-удинская церковь» (официальное название – «Албано-удинская христианская религиозная община»). Между тем, исторически после упадка древней Кавказской Албанской Церкви большинство удинских христианских общин вошли в состав Армянской Апостольской Церкви (ААЦ). Они полностью интегрировались в ее литургическую и каноническую структуру, сохранив при этом собственный язык. Их приходы (например, в селе Нидж) канонически подчинялись Арцахской епархии ААЦ.

Во-вторых, Баку пытался использовать АУХО как «витрину» религиозной толерантности и мультикультурализма в Азербайджане, демонстрируя Западу, России и Ватикану, что в стране якобы процветает «коренное» христианство, не связанное с армянами.

При этом АУХО, в рамках инспирированного азербайджанскими властями полного разрыва более чем тысячелетней связи с ААЦ, была вынуждена пересмотреть традиционное учение, которому удины следовали более 1500 лет. Поскольку миафизитская догматика неразрывно связывает их с Армянской Церковью, современная АУХО отошла от своих исторических догматов и стала искать новое каноническое поле. На данном этапе община стремится к дифизитской (халкидонской) христологии, то есть к догматам, которые исповедуют Православные (Русская, Грузинская, Константинопольская) и Католическая Церкви. На практике т. н. «Албано-удинская церковь» сегодня пытается позиционировать себя как структура, близкая к Русской Православной Церкви (РПЦ), и лидеры общины неоднократно заявляли о желании перейти под духовное окормление или юрисдикцию Московского Патриархата²⁶. Таким образом, у «Албано-удинской церкви» фактически нет собственного учения. Ее «догматы» — это политический проект: отрицание реального миафизитского (армянского) прошлого и искусственное принятие диафизитского (православного) вероучения с целью получения канонического признания со стороны Москвы, Тбилиси или Константинополя и легитимизации передачи ей армянских храмов на территории Азербайджана.

В этой связи большинство Церквей рассматривают АУХО не как независимую древнюю церковь, а как новую структуру, созданную по политическим мотивам — прежде всего для оспаривания армянской принадлежности христианского наследия в регионе, включая Нагорный Карабах. Традиционно современные Церкви выстраивают официальный экуменический (межцерковный) диалог только с историческими, канонически признанными церквями. В условиях официального непризнания т. н. «Албано-удинской церкви» ее официальным партнером по диалогу является ААЦ как историческая материнская церковь для удинской общины.

Так контакты между Ватиканом и представителями удинской общины (включая ее лидера Роберта Мобили) действительно имели место, но представители удинской общины

<https://monumentwatch.org/en/alerts/udi-propaganda-as-an-expression-of-azerbaijani-politics/>; “Udi-Azerbaijan community calls on Turkish authorities to return Akhtamar shrine to legal owners”. *Lousavor Avedis*, 30.08.2019, <https://lousavor-avedis.org/?p=15719> (даты обращения: 20.11.2025).

²⁶ См.: Григорий Айвазян, УДИНЫ И АЛБАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ АЗЕРБАЙДЖАНА. «21-ый ВЕК», 3 (40), 2016, <https://cyberleninka.ru/article/n/udiny-i-albanskaya-tserkov-azerbaydzhana/viewer> (дата обращения: 20.11.2025)

принимаются Папой Римским не отдельно, а исключительно в составе общей межрелигиозной делегации Азербайджана. Такие делегации, как правило, возглавляет глава Управления мусульман Кавказа (УМК) шейх-уль-ислам Аллашшукюр Пашазаде. То есть на этих встречах лидер удинской общины²⁷ выступает как глава одной из религиозных общин страны, наряду с лидерами мусульман и иудеев, а не как глава древней церкви.

Аналогичной позиции придерживается и РПЦ. Она не признает АУХО в качестве автокефальной или автономной древней церкви и не вступает с ней в официальный экуменический диалог. РПЦ не проводит двусторонних литургических или богословских встреч с АУХО как с равной себе церковью. Встречи Патриарха Кирилла с лидером общины Р. Мобили или другими представителями происходят в рамках встреч с Управлением мусульман Кавказа (УМК) и его главой, а также общих межрелигиозных саммитов, организованных властями Азербайджана²⁸. Показательным примером является позиция РПЦ по армянским храмам (в частности, Дадиванку), которые Азербайджан передал удинской общине. РПЦ не поддержала этот акт и направила своих миротворцев для охраны монастыря, что вызвало резкую критику со стороны Азербайджана. Баку выразил недовольство тем, что РПЦ не признает «албанское» происхождение храма и не поддерживает его передачу удицам²⁹. Для РПЦ каноническим партнером в Армении и в вопросах, касающихся армянского наследия, остается Первопрестольный Св. Эчмиадзин (ААЦ)³⁰.

Еще более жесткой позиции придерживается Грузинская Православная Церковь (ГПЦ), которая не признает «Албано-удинскую общину» и избегает любых контактов с ней. ГПЦ рассматривает АУХО как политический инструмент Баку, созданный для оспаривания исторической принадлежности не только армянских, но и грузинских храмов на территории Азербайджана³¹. Более того, Грузинская Церковь частично считает себя наследницей Кавказской Албании и имеет собственные исторические

---

²⁷ О встречах главы РКЦ с представителями удинских общин см: Vatican News (2022): Новость о встрече Папы Франциска с межрелигиозной делегацией из Азербайджана во главе с Аллашшукюром Пашазаде. <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2022-11/papa-francisk-prinyal-delegaciyu-mezhreligioz-nogo-soveta-azerb.html> (дата обращения: 19.11.2025); Официальный сайт Президента Азербайджана (2020): Сообщение о визите делегации в Ватикан, где упоминается Роберт Мобили как «председатель Албано-удинской христианской общины». <https://president.az/ru/articles/view/35850> (дата обращения: 19.11.2025); Официальный сайт Католической Церкви в Азербайджане показывает, что единственной канонической структурой РКЦ в стране является Апостольская Префектура, которая поддерживает *гражданские* отношения со всеми зарегистрированными общинами. <https://www.catholic.az/> (дата обращения: 19.11.2025).

²⁸ См.: Новость о встрече Патриарха Кирилла с делегацией Азербайджана (включая Р. Мобили). (2017 г.), <http://www.patriarchia.ru/db/text/5053744.html> (дата обращения: 20.11.2025).

²⁹ «Баку недоволен РПЦ из-за Дадиванка». EADaily.com., <https://eadaily.com/ru/news/2021/04/16/baku-nedovolen-rpc-iz-za-dadi-vanka-udiny-prosyat-patriarha-kirilla-o-vstreche> (дата обращения: 19.11.2025).

³⁰ Контекст: Регулярные встречи глав РПЦ и ААЦ (в том числе для обсуждения ситуации в Карабахе) подтверждают, что РПЦ не признает никакую третью сторону (как АУХО) в качестве представителя этой христианской традиции в регионе. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5958988.html> (дата обращения: 19.11.2025).

³¹ Одним из наиболее чувствительных вопросов в данной связи является вопрос исторической и культурной принадлежности средневекового комплекса пещерных монастырей, известных как Давид Гареджи, имеющий важное значение для грузинской идентичности и ГПЦ. Комплекс расположен на границе между Грузией и Азербайджаном, и часть его территории, включая монастырь Удабно, является предметом нерешенного пограничного спора.

претензии на христианские храмы на территории нынешнего Азербайджана (в регионе Саингило/Эрети)³². Важно отметить, что в самой Грузии (в селе Зинобиани) также проживает небольшая община удин. Эти удины являются прихожанами Грузинской Православной Церкви и канонически подчиняются ГПЦ, что еще больше подрывает претензии бакинской общины на то, чтобы представлять всех удин³³.

Таким образом, парадигма прав ААЦ и ее Арцахской епархии принципиально отличается от ситуации с международным признанием самой НКР. Если руководство Азербайджана, а при нынешней власти – и самой Армении – настаивает на том, что Нагорный Карабах был «*международно-признанной территорией Азербайджана*», то права Арцахской епархии на христианское духовное и материальное наследие армян Нагорного Карабаха никто, кроме властей Азербайджана, фактически не оспаривает.

5. Идеологические причины: евроинтеграция и ценностный разрыв

Помимо канонических прав ААЦ на территорию Арцаха, роль Армянской Церкви в политической повестке Армении имеет особое значение в связи с еще одной сферой, которая рано или поздно станет актуальной в рамках нынешнего политического курса РА. Как государству – члену Совета Европы и партнеру ЕС (СЕРА) – Армении предстоит столкнуться с рядом «чувствительных» обязательств перед европейскими структурами (ЕС и Совет Европы). Конфликтный потенциал возникает прежде всего там, где европейские стандарты, основанные на либеральной демократии, сталкиваются с консервативными ценностями армянского общества – в области, где ААЦ традиционно обладает значительным влиянием.

Противоречия между (обще)христианским мировоззрением и законодательством ЕС проявляются не на уровне фундаментальных теологических догм, а на уровне социально-этических учений традиционного христианства, которые сталкиваются с секулярным, либеральным законодательством, основанным на правах человека и недискриминации. Ориентированной на евроинтеграцию части армянского общества необходимо четко понимать, что Европейский Союз – это светское объединение, чья правовая база, и прежде всего Хартия основных прав, ставит во главу угла индивидуальные права, равенство и запрет любых форм дискриминации. В свою очередь Армянская Церковь, как и другие традиционные христианские конфессии (католицизм, православие и консервативный протестантизм) строит свои этические позиции на Священном Писании и многовековой традиции. На практике это означает, что в рамках политического курса на евроинтеграцию армянскому государству и обществу придется столкнуться с рядом принципиальных противоречий между требованиями европейского законодательства и системой традиционных ценностей.

---

³² Грузинская церковь закрыта в Саингило/ Официальный Баку это опровергает. Ноев Ковчег, N11 (122) Ноябрь 2007 года, <https://noev-kovcheg.ru/mag/2007-11/929.html> (дата обращения: 21.11.2025).

³³ См.: Nino Narimanishvili, David Pipia. '337', a documentary on the Udi community in Georgia [Video]. *Documentary on the Udi community in Georgia*, Jam-news.net, 21.07.2022, <https://jam-news.net/documentary-about-udi-community-video/> (дата обращения: 22.11.2025).

Более подробно об удилах Грузии см.: Волкова Н. Г., Удины Грузии, Б.м., 1977, С. 110-116.

Наиболее острая сфера конфликта – права ЛГБТК+ и недискриминация. Так, законодательство ЕС, в том числе его директивы (например, Рамочная директива по занятости), прямо запрещает дискриминацию по признаку сексуальной ориентации в сфере труда. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), чьи решения влияют на право ЕС, также активно защищает права ЛГБТК+ лиц. В то же время традиционное христианство определяет брак исключительно как союз между мужчиной и женщиной (что закреплено и в Конституции РА) и рассматривает гомосексуальные отношения как несовместимые с христианской моралью. И хотя законодательство ЕС прямо не обязывает государства-члены легализовывать однополые браки (этот вопрос остается в пределах национальной компетенции), оно требует признания таких браков, заключенных на территории других странах ЕС. При этом религиозные организации (школы, благотворительные фонды) могут сталкиваться с юридическими проблемами в случае отказа нанимать сотрудников, состоящих в однополном браке, или предоставлять услуги однополым парам, ссылаясь на свои (в том числе – религиозные) убеждения.

Другой «неудобной» сферой является вопрос о праве на жизнь, подвергаемое сомнению в виде прав на аборт и эвтаназию. Законы об абортах в основном принимаются на национальном уровне, но Европейский парламент и другие институты ЕС склонны рассматривать аборт как часть «прав на сексуальное и репродуктивное здоровье», то есть как индивидуальное право человека. Между тем большинство конфессий, включая и ААЦ, провозглашают святость человеческой жизни с момента зачатия до естественной смерти³⁴.

По данному вопросу в международном контексте наиболее известна позиция Католической церкви, которая категорически осуждает аборт и эвтаназию как тяжкие грехи. Так, Мальта — государство с сильным католическим влиянием — долгое время сохраняла полный запрет на аборт, что шло вразрез с общеевропейскими тенденциями. А когда Конституционный суд Польши (под влиянием католического учения) ужесточил законодательство об абортах, это вызвало резкую критику со стороны институтов ЕС, которые сочли данное решение нарушением фундаментальных прав женщин и принципа верховенства права.

Аналогичные проблемы возникают и в точках столкновения принципов «свобода совести» и «недискриминации». Так, законы ЕС о недискриминации требуют, чтобы товары и услуги предоставлялись всем лицам на равных основаниях. Между тем христианин (будь то врач, фармацевт или владелец бизнеса), следующий постулатам христианской религии, может отказаться совершать определенные действия, ссылаясь на «право на отказ по совести» (*conscientious objection*). Потенциальными точками столкновения указанных принципов могут стать, например, отказ врача от проведения аборта; отказ фармацевта продать abortивные средства или контрацептивы; отказ кондитера изготовить торт для однополых свадьбы и т. д. Практика показывает, что

---

³⁴ С точки зрения морально-этических и религиозных принципов одним из ключевых моментов здесь является не только сам факт прерывания жизни человека, но и осуществлении данного акта «убийства» в утробе матери – т. е. превращении материнского лона – места зарождения новой жизни – в ее могилу.

суды ЕС и ЕСПЧ часто встают на сторону недискриминации, ограничивая свободу совести в коммерческой или государственной сферах.

Отдельный комплекс проблем связан с понятием «*гендерная идентичность*» в правовой философии ЕС. Европейское право все чаще включает «*гендерную идентичность*» в список защищаемых признаков. Это предполагает юридическое признание трансгендерного перехода и использование предпочитаемых местоимений в официальных сферах. Между тем, многие традиционные конфессии придерживаются бинарного (мужчина и женщина) понимания пола, основанного на биологической реальности, и не признают смену пола как таковую. Отсюда возникают конфликты в школах (особенно религиозных), в вопросах использования раздевалок, в спортивных соревнованиях, а также в том, как религиозные организации должны обращаться к трансгендерным людям. За последний год эта проблема достаточно часто становилась предметом обсуждения в контексте международных спортивных состязаний, где гендерная трактовка пола зачастую приводила к нарушению принципа равных возможностей для участниц/участников женских видов спорта.

В этой связи следующим камнем преткновения является т. н. «Стамбульская конвенция» – Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Хотя Армения подписала конвенцию 18 января 2018 г., а Венецианская комиссия в своем заключении подчеркнула³⁵, что конвенция не противоречит Конституции Армении, процесс ее ратификации был приостановлен. Основной причиной стала трактовка в конвенции термина «*гендер*» как социального конструкта, а не как биологического пола, что вызвало значительное сопротивление со стороны консервативных кругов общества и ААЦ. Противники конвенции утверждают, что ратификация легализует «*третий пол*», однополые браки и разрушит традиционные устои. В результате высокого общественного резонанса власти РА заморозили процесс ратификации на последние несколько лет.

Помимо ценностных аспектов, политический курс нынешних властей Армении сопряжен со сложным процессом переосмысления мировоззренческих постулатов, сложившихся на протяжении последнего столетия. Так ЕС (как и США) активно настаивают на улучшении отношений Еревана с Баку и Анкарой, поддерживают и продвигают процесс нормализации — в том числе посредством коммуникационных проектов, постоянных контактов на уровне государственных и общественных структур и пр. Однако для значительной части армянского общества это «обязательство» выглядит проблематичным. Оно воспринимается как принуждение к отказу от требования признания Геноцида армян со стороны Турции и от защиты прав армян Нагорного Карабаха в обмен на открытие границ и предполагаемые экономические выгоды. Данная «связка» особенно болезненно воспринимается на фоне продолжающейся оккупации Азербайджаном части суверенной территории Армении,

---

³⁵ Armenia - Opinion on the constitutional implications of the ratification of the Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Istanbul Convention) adopted by the Venice Commission at its 120th Plenary Session (Venice, 11-12 October 2019), <https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/cdl-ad-2019-018-e> (дата обращения: 22.11.2025).

полного отказа властей РА от карабахской проблематики, отсутствия видимых усилий по вызволению из азербайджанского плена лидеров Арцаха и простых военнослужащих, официальной позицией РА по международному признанию Геноцида армян³⁶, а также на фоне отношения к иерархам ААЦ, заметного охлаждения отношений с армянской Диаспорой и т. д. Ситуацию усугубляет позиция Азербайджана; власти страны, уничтожая следы армянского присутствия в Нагорном Карабахе и вокруг него, выдвигают претензии на историко-культурное наследие армянства уже в самой Республике Армения, постоянно озвучивают претензии, прямо или косвенно затрагивающие территориальную целостность РА, а также продолжают насаждать в своем обществе атмосферу армянофобии³⁷.

Возвращаясь к вопросу ценностных противоречий, следует отметить, что фактически премьер-министр РА оказался зажат между обязательствами перед ЕС и религиозно-ценностными подходами консервативного армянского общества. Выбранная им на данном этапе стратегия состоит в избегании прямой дискуссии и переоформлении темы в «гибридную войну», в рамках которой оппоненты политического курса властей якобы используют «чувствительные» темы для дискредитации самой идеи евроинтеграции.

Между тем в целом противоречия между европейским вектором развития и ценностной парадигмой общества, во многом определяемой его религиозным полюсом, не уникальна и присуща и другим странам «Восточного партнерства» (и не только), избравшим путь в Европейский Союз.

Грузия. Отношение Грузинской Православной Церкви (ГПЦ) к европейскому курсу Грузии двойственное и все более скептическое. Хотя Церковь официально не выступает против экономической интеграции, именно она остается главным и самым влиятельным институтом в стране, который открыто сопротивляется ряду чувствительных политических и социальных реформ, являющихся обязательными для вступления в ЕС. Для ГПЦ европейская интеграция – это не столько экономический,

---

³⁶ В данном контексте в качестве наглядного «маркера» отношения властей к проблеме Геноцида является процесс «реставрации» Мемориального комплекса памяти жертв Геноцида армян в Османской империи (Цицернакаберд).

³⁷ В отсутствие «недостаточной» (в понимании общества) реакции официального Еревана и того же ЕС на подобного рода негативные проявления цена, которую приходится платить Армении за «европейский вектор», становится неприемлемой. Тем более что речь идет о шагах, осуществляемых на фоне охлаждения и в ущерб отношений с РФ, всесторонние связи с которой остаются важными для значительного сегмента армянского общества. Таким шагом, например, стало принятие Римского статута – признание Арменией юрисдикции Международного уголовного суда – один из шагов, рекомендованных ЕС в рамках судебных реформ. Он был предпринят, якобы, для обращения в Суд в связи с военными преступлениями Азербайджана, но тогда, когда МУС выдал ордер на арест президента РФ. В Москве решение Еревана было воспринято как откровенно враждебный акт, что поставило под угрозу весь комплекс армяно-российских отношений. Аналогичным образом дистанцирование от ОДКБ без создания реальной альтернативы существующей системе военно-политической безопасности создает коллизию с обязательствами Армении в рамках ОДКБ. И это опять-таки происходит в условиях, когда значительная часть армянского общества и политической элиты по-прежнему видит в РФ единственного гаранта безопасности, и поэтому обязательства перед Западом, требующие дистанцирования от Москвы, воспринимаются ими как прямая угроза национальной безопасности.

сколько ценностный вопрос. Церковь видит себя главной хранительницей грузинской национальной идентичности, неразрывно связанной, по ее мнению, с православием. Главный страх Патриархии заключается в том, что вступление в ЕС приведет к потере «морального суверенитета» и навязыванию западноевропейских либеральных ценностей, которые ГПЦ считает губительными для традиционного уклада.

Конкретных точек конфликта несколько:

- Права ЛГБТК+. Это наиболее острая точка противоречий. ГПЦ является главным противником любых публичных ЛГБТК-мероприятий (включая прайды) и защитником законов, направленных против «пропаганды ЛГБТК». ЕС, напротив, требует от стран-кандидатов гарантий защиты прав меньшинств.

- Секуляризм. Европейская модель государственного управления предполагает строгое отделение Церкви от государства. В Грузии же ГПЦ обладает огромным влиянием, закрепленным конституционным соглашением (конкордатом). Церковь опасается, что вступление в ЕС приведет к ограничению ее роли в системе образования, армии и общественной жизни.

- «Закон об «иноагентах». ГПЦ активно поддержала принятие скандального закона «О прозрачности иностранного влияния». Причина понятна: закон направлен против НПО и СМИ, финансируемых Западом, многие из которых продвигают те самые секулярные и либеральные ценности, воспринимаемые Церковью как угрозу традиционному обществу.

Специфической особенностью «грузинского кейса» является его геополитическая амбивалентность: скептицизм ГПЦ в отношении ЕС вовсе не означает ее поддержки России. В идеологическом плане ГПЦ и Русская Православная Церковь (РПЦ) являются союзниками по «консервативной оси». Они обе выступают против западного либерализма и защищают «традиционные ценности». Однако в политическом плане ГПЦ, будучи строго грузинским национальным институтом, не простила РФ ни роли в войне 2008 г., ни, главное, признания независимости Абхазии и Южной Осетии. ГПЦ по-прежнему считает эти территории своей канонической юрисдикцией и не признает поставленных Москвой епископов. Таким образом, позиция ГПЦ – это не дихотомический выбор между Москвой и Брюсселем (подход, присущий политическим армянским реалиям), а попытка защитить «грузинский путь» от давления обеих внешних сил. Еще одной отличительной чертой «грузинской модели» является тесное сотрудничество Церкви с правящей партией страны. Между Церковью и «Грузинской мечтой» сложился неформальный альянс, и в последние годы правящая партия все активнее использует риторику Грузинской Церкви, рассматривая ее как источник моральной легитимности для своих антизападных шагов. В свою очередь, Церковь видит в «Грузинской мечте» политическую силу, готовую защитить ее консервативные ценности от внешнего давления, прежде всего со стороны Брюсселя.

Украина. Православная Церковь Украины (ПЦУ) – поместная церковь, созданная в противовес Украинской Православной Церкви (УПЦ Московского патриархата) с целью разрыва канонических и административных отношений с РПЦ, – демонстрирует иную позицию. ПЦУ полностью поддерживает евроинтеграцию как геополитический

разрыв с «Русским миром», рассматривая движение в сторону ЕС как новый геополитический и цивилизационный выбор. Однако при этом Церковь категорически не принимает либеральное европейское законодательство в социальной сфере, особенно в вопросах, связанных с правами ЛГБТК+. ПЦУ строго разделяет два понятия: она выступает «за» политический союз с Европой, но «против» того, что считает «чуждыми моральными ценностями».

Рассматривая евроинтеграцию как возвращение Украины в «европейскую семью народов», ПЦУ демонстрирует полную солидарность с украинским государством, а ее руководство, включая Митрополита Епифания, последовательно заявляет, что будущее Украины – в ЕС и НАТО. Само создание ПЦУ (получение «Томоса» об автокефалии от Вселенского Патриарха) стало актом «духовной независимости» от Москвы. В данной связи ПЦУ является естественным союзником любого политического вектора, который ослабляет духовное и культурное влияние России, и в этом вопросе позиция Церкви и украинского государства полностью совпадает.

Тем не менее в социальном и этическом плане ПЦУ остается глубоко консервативным институтом. Она выступает против тех аспектов европейского права, которые касаются гендерных вопросов и прав ЛГБТК+ и последовательно продвигает традиционные семейные ценности. Руководство ПЦУ неоднократно выступало против ратификации Стамбульской конвенции (которую в итоге ратифицировали), опасаясь, что ее положения вводят в украинское законодательство понятие «гендера» как социального конструкта. При этом глава ПЦУ Митрополит Епифаний прямо заявлял, что однополые браки (или партнерства) «неприемлемы» для Украины и противоречат Библии. Он, в частности, отметил: «Православное христианство – часть европейской цивилизации, мы всегда были европейцами. Мы можем привнести в западную цивилизацию духовно хорошее, но точно не будем воплощать в жизнь вещи, которые противоречат библейскому учению, например, однополые браки, а мы видим, насколько это там востребовано»³⁸.

С целью преодоления противоречий ПЦУ предлагает модель «интеграции без ассимиляции»: Украина должна вступить в ЕС как политический и экономический союз, но при этом сохранить свою национальную и духовную идентичность. В качестве примеров часто упоминаются такие страны, как Польша, Венгрия или Греция, которые, будучи членами ЕС, по крайней мере до недавнего времени старались сохранить сильное консервативное и религиозное ядро в своем законодательстве. Таким образом, выступая за присоединение к ЕС, ПЦУ отвергает то, что Митрополит Епифаний обозначил как «либеральную секулярную идеологию».

Молдова. Здесь так же присутствует религиозно-политический конфликт, однако он носит преимущественно юрисдикционный характер. Положение Православной Церкви в Молдове уникально: в стране существуют две основные православные

---

³⁸ ««Мы всегда были европейцами». Епифаний высказался против однополых браков». Бабель.уа, 23.06.2019, <https://babel.ua/ru/news/32126-my-vsegda-byli-evropeycami-epifaniy-vyskazalsya-protiv-odnopolih-brakov> (дата обращения: 22.11.2025).

юрисдикции, чьи позиции по евроинтеграции диаметрально противоположны. Митрополия Московского Патриархата выступает против ЕС и либерализации, тогда как Бессарабская Митрополия (Румынский Патриархат) полностью поддерживает евроинтеграцию, игнорируя социальные противоречия.

Митрополия Кишинева и всяя Молдовы (Московский Патриархат) – крупнейшая и доминирующая церковь в стране. Ее отношение к европейскому курсу правительства отрицательное или крайне скептическое. Эта Церковь, будучи автономной частью РПЦ, традиционно выступает за сохранение тесных связей с РФ. Проевропейские правительства страны (особенно правительство Майи Санду) воспринимаются как враждебные, поскольку способствуют ослаблению российского влияния. После начала войны в Украине Церковь оказалась под огромным давлением как со стороны молдавского общества, так и властей, которые обвиняют ее «в поддержке российской агрессии». Несмотря на это, ее фундаментальная ориентация остается антизападной.

В вопросах либерализации законодательства и изменения социальных ценностей Митрополия Кишинева и всяя Молдовы занимает категорически враждебную позицию. Она является главным в стране защитником традиционных ценностей и главным противником либеральных реформ, которые требуют стандарты ЕС. Церковь активно выступает против любых законов о недискриминации, однополых партнерств или проведения прайдов (которые в Молдове называют «маршами содомитов»), что является центральным пунктом ее критики евроинтеграции. Митрополия так же категорически не принимает ратификацию Стамбульской конвенции и введение понятий «гендера» в законодательство, рассматривая это как угрозу традиционной семье. Аналогичное отношение в вопросе секуляризма: ЕС продвигает светскую модель государства, в то время как Митрополия Кишинева стремится сохранить свое доминирующее влияние на общество, мораль и даже политику. В целом же, для этой Церкви евроинтеграция воспринимается как «пакет», в котором политический уход от России неотделим от принятия «чуждых» либеральных ценностей, что делает весь курс неприемлемым.

В свою очередь Бессарабская Митрополия (Румынский Патриархат) – меньшая по размеру, но быстро растущая церковь, возобновившая свою деятельность в Молдове после распада СССР. Она является частью Румынской Православной Церкви, а ее руководящий центр (Патриархат) находится в Румынии – в государстве-члене ЕС и НАТО. Отношение Бессарабской Митрополии к европейскому курсу полностью положительное. Эта церковь всецело поддерживает европейский и евроатлантический курс Молдовы, рассматривая евроинтеграцию как единственный путь к «возвращению в Европу», укреплению связей с Румынией и полному выходу из-под российского влияния (как политического, так и духовного, которое представляет Московский Патриархат). Хотя Бессарабская Митрополия также придерживается социально-консервативных взглядов (не одобряет однополые браки и т. д.), ее критика либерального законодательства ЕС практически отсутствует. В отличие от Московского Патриархата, Бессарабская Митрополия ставит геополитическую цель – интеграцию с Западом и Румынией – выше борьбы против либеральных социальных норм. Она готова мириться с этими законами как с неизбежной ценой за независимость от российского влияния.

Сербия. Здесь так же наблюдается конфликт между Церковью и властью. Противоречия между Сербской Православной Церковью (СПЦ) и европейским курсом правительства страны носят глубокий и фундаментальный характер. Они касаются не столько экономики, сколько национальной идентичности, суверенитета и традиционных ценностей. Ключевые точки конфликта можно разделить на два основных направления:

1. Вопрос Косово – главное и наиболее болезненное противоречие. Европейский курс Сербии напрямую связан с требованием ЕС о «*всеобъемлющей нормализации*» отношений с Косово, что де-факто подразумевает признание его суверенитета. Правительство Сербии (в частности, при президенте Александре Вучиче) ведет переговоры с ЕС и Приштиной (например, Брюссельское и Охридское соглашения), стремясь к уступкам в обмен на ускорение процесса евроинтеграции. Для СПЦ Косово и Метохия – это не политический вопрос, а «*колыбель нации*» и сердце сербской духовности (где находятся множество древнейших монастырей и резиденция Патриарха в Печи). СПЦ неоднократно и недвусмысленно заявляла, что сохранение Косово в составе Сербии является конституционным и духовным обязательством. Любое соглашение, ведущее к формальному или неформальному признанию независимости Косово, Церковь считает «*предательством национальных интересов*». Соответственно, ЕС и западные страны, признавшие независимость Косово, воспринимаются Сербской Церковью как силы, способствовавшие утрате сербской территории.

2. Ценностный разрыв – курс Сербии на «*либеральные ценности*» ЕС предполагает принятие ею не только экономического, но и социального и правового законодательства ЕС (*acquis communautaire*). Как уже было отмечено, ЕС требует от стран-кандидатов соблюдения прав меньшинств, включая легализацию однополых партнерств и разрешение проведения публичных мероприятий (прайдов). Церковь категорически выступает против этого. Синод СПЦ официально заявлял, что законопроекты об однополых союзах «*неприемлемы*», так как они противоречат Евангелию и опыту Церкви. СПЦ считает, что такие законы приравнивают однополые союзы к браку и семье, что «*дискриминирует*» традиционный брак.

Противоречия присутствуют также в вопросах секуляризма и национализма: СПЦ часто обвиняют в продвижении националистических и антизападных взглядов. Европейские институты (в частности, Европейский совет по иностранным делам) критиковали СПЦ за «*отрицание военных преступлений сербов*» и «*недружественное отношение к Западу*». В свою очередь, СПЦ видит в европейской интеграции угрозу традиционному православному укладу жизни.

Противоречия присутствуют и в геополитическом измерении европейского вектора сербских властей, подразумевающих вступление в ЕС при сохранении партнерства с Россией. СПЦ традиционно и тесно связана с РПЦ и разделяет общую консервативную и антилиберальную повестку. Влиятельные круги в СПЦ видят в России главного защитника православного мира, тогда как евроинтеграцию воспринимают как духовное и геополитическое самоубийство – как «*путь в Вавилон*».

И тем не менее, отличительной чертой «сербской модели» является то, что несмотря на глубокие противоречия, правительство и Церковь часто избегают прямой публичной

конфронтации. Правительство А. Вучича осознает, что СПЦ – институт с самым высоким уровнем доверия в стране, и прямой конфликт с ней чреват потерей электората. Поэтому власти стараются демонстрировать уважение к СПЦ и даже заручиться ее поддержкой, как, например, при назначении премьер-министром Анны Брнабич, когда Церковь предпочла промолчать, не вступая в конфликт с президентом страны.

Таким образом, хотя СПЦ и выступает против конкретных законов, связанных с Косово или однополыми союзами, в последние годы она старается не вступать в прямую конфронтацию с А. Вучичем, сохраняя сложные, но рабочие отношения с властями.

Религиозные меньшинства Армении. Парадоксальным образом специфический ценностный разрыв в контексте европейской политики и позиции Церкви наблюдается и у религиозных меньшинств в Армении.

В данном случае проявляется феномен, известный как «*стратегическая*» или «*инструментальная амбивалентность*» – явление, характерное для ряда религиозных меньшинств не только в Армении, но и в других странах постсоветского пространства. Под религиозными меньшинствами в Армении здесь понимаются не традиционные этно-религиозные и религиозные группы, издавна присутствующие в армянской действительности (армяне-католики, езиды, православные, молокане, евреи, ассирийцы), а структуры «новой формации», появившиеся в Армении сравнительно недавно – после распада СССР. Это такие религиозные группы, как «Свидетели Иеговы», «Церковь «Слово Жизни»» и «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней» (мормоны).

В условиях, когда их деятельность или обряды могут оспариваться или ограничиваться местными властями и консервативным большинством (что в Армении, впрочем, встречается не так часто), эти группы традиционно апеллируют к тем международным правовым инструментам, которые защищают их существование. Они активно используют нормы, закрепленные в Европейской конвенции по правам человека, а также положения Конституции РА, для отстаивания своего права на мирные собрания, проповедь и отказ от воинской службы по убеждениям (например, «Свидетели Иеговы»). Аналогично, они нацелены на использование судебных механизмов (в том числе – обращение в Европейский суд по правам человека – ЕСПЧ) для оспаривания действий или решений властей, которые они считают дискриминационными.

Таким образом, либеральные ценности – свобода и верховенство права – служат для них инструментом выживания и защиты своего права на существование как меньшинства. При этом их внутренние доктринальные и социальные взгляды остаются глубоко консервативными и традиционными, что характерно для большинства фундаменталистских и евангелистских христианских течений. Эти группы, как правило, придерживаются строгого толкования Библии, которое определяет брак исключительно как союз мужчины и женщины. Они отвергают права ЛГБТК+ и выступают против легализации однополых браков или партнерств, а также против гендерной идеологии. Их позиции по вопросам аборт, сексуального воспитания и роли женщины в обществе часто совпадают с позициями консервативных кругов, которые, в свою очередь, могут критиковать их самих за «нетрадиционность» вероисповедания.

Мормоны. Отношение «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» (мормонов) к т. н. «*европейским ценностям*» двойственное и зачастую противоречивое. Церковь полностью разделяет фундаментальные европейские ценности, такие как *демократия, верховенство закона, права человека и свобода вероисповедания*. Вместе с тем она находится в прямом конфликте с современными европейскими социальными нормами, которые часто подразумеваются под этим термином – социальный либерализм, секуляризм. Наиболее острые противоречия лежат в области социальной этики. Церковь мормонов – одна из самых социально консервативных деноминаций, базирующихся в США, и ее доктрина не меняется в зависимости от региона. Так, Церковь строго определяет брак как союз исключительно между мужчиной и женщиной и учит, что гомосексуальные действия являются грехом. Хотя мормоны (особенно в США) поддержали компромиссные законы о недискриминации в сфере жилья и занятости, они категорически не принимают однополые браки, что ставит их в оппозицию европейскому социальному консенсусу. Учение мормонов строго бинарно и утверждает, что пол (мужской или женский) является «*вечной и неотъемлемой характеристикой*» души, определенной еще до рождения.

В условиях, когда современная Европа в высокой степени секуляризована, а религия считается сугубо частным делом, мормонизм позиционирует себя как активная, миссионерская религия, которая провозглашает себя «*единственной истинной и восстановленной церковью*» и призывает своих адептов активно делиться верой. Это вступает в культурное противоречие с европейским секуляризмом, где публичное проявление религиозности зачастую не приветствуется.

При этом, как уже отмечалось, Церковь мормонов полностью поддерживает многие другие ценности, которые также считаются европейскими: *верховенство закона, благотворительность и гуманизм, демократия и свобода*. Так, 12-й Символ веры мормонов гласит: «*Мы верим в подчинение королям, президентам, правителям и представителям власти в соблюдении, уважении и поддержке закона*»³⁹. Церковь строго придерживается законодательства стран, в которых она действует. Одновременно она реализует одну из самых масштабных в мире программ гуманитарной помощи (Latter-day Saint Charities) и активно участвует в благотворительных проектах по всей Европе, особенно в программах помощи беженцам.

Мормоны также активно поддерживают демократические институты и, в особенности, религиозную свободу. Следует отметить, что несмотря на доктринальные расхождения, официальная политика «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» предполагает строгий политический нейтралитет. Она не поддерживает и не выступает против каких-либо политических партий или кандидатов в Европе или где-либо еще. Вместе с тем она оставляет за собой право высказываться по конкретным моральным вопросам. Например, если в какой-либо стране (пребывания) обсуждается закон об

---

³⁹ См.: Письмо Уэнтворту. Официальный сайт Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, <https://www.churchofjesuschrist.org/study/manual/teachings-joseph-smith/chapter-38?lang=rus> (дата обращения: 22.11.2025).

однополоых браках или эвтаназии, руководство Церкви может опубликовать заявление, разъясняющее ее доктринальную позицию, но при этом не призывает граждан голосовать за конкретного политика, который эту позицию разделяет.

«Свидетели Иеговы». Представители данной группы придерживаются двойственного и строго сегментированного отношения к *«европейским ценностям»*. Они активно используют либерально-правовые ценности ЕС (свободу совести, верховенство права) для защиты своей деятельности, но категорически отвергают либеральные социальные ценности (права ЛГБТК+ и гендерную идеологию).

Для «Свидетелей Иеговы» институты ЕС, и в особенности Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), являются главными защитниками их права на существование и проповедь. Они активно пользуются европейскими законами о свободе совести и религии. ЕСПЧ неоднократно выносил решения в пользу «Свидетелей Иеговы», отменяя запреты на их деятельность в различных странах и защищая их право на проповедь *«от двери до двери»*⁴⁰. Также ЕСПЧ закрепил право на отказ от военной службы по соображениям совести – ключевой догмат «Свидетелей Иеговы» – как фундаментальное право, защищаемое Европейской конвенцией о правах человека. В этом смысле «Свидетели Иеговы» являются активными сторонниками *«европейских ценностей»*, касающихся прав человека и верховенства права. В то же время, они остаются глубоко консервативной религиозной организацией, полностью отвергающей те социальные нормы, которые также считаются частью современного европейского ценностного пакета. «Свидетели Иеговы» придерживаются строгого библейского буквализма: любые гомосексуальные отношения считают тяжким грехом, не признают однополые браки и гендерные переходы. Несмотря на активное использование плодов светского права, их учение крайне критично относится к секулярному обществу, считая его морально разлагающимся и *«принадлежащим миру Сатаны»*. Они не принимают участия в демократических процессах (не голосуют на выборах), считая все человеческие правительства *«несовершенными»*.

Ключевое отличие «Свидетелей Иеговы» от традиционных конфессий заключается в их абсолютном политическом нейтралитете. Они не нацелены на лоббирование в Брюсселе принятия *«традиционных»* законов, участие в политических дебатах о евроинтеграции, организацию протестов против гей-прайдов и т. д., так как их стратегия состоит не в «исправлении» мирских институтов, а в полном отдалении от них. Тем самым «Свидетели Иеговы» одновременно являются одними из главных бенефициаров правовой системы ЕС, используя ее для защиты своих прав от национальных правительств, и в то же время – одними из самых жестких критиков его социальных и моральных ценностей.

«Слово жизни». Отношение религиозной организации «Слово жизни» (международного неохаризматического движения, известного также как *Livets Ord*) к *«европейским ценностям»* так же двойственное и зависит от того, о каких именно

---

⁴⁰ См., например: CASE OF MALIGE v. FRANCE, (68/1997/852/1059), JUDGMENT, STRASBOURG, 23 September 1998, <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-58236%22%5D%7D> (дата обращения: 22.11.2025).

ценностях идет речь. Церковь «Слово жизни» разделяет «европейские ценности» на две категории: а) политические и гражданские ценности (демократия, верховенство права, свобода совести, права человека); 2) современные социальные и либеральные ценности (секуляризм, права ЛГБТК+, гендерная теория, право на аборт).

Как и большинство протестантских деноминаций, церковь «Слово жизни» полностью поддерживает фундаментальные европейские ценности, такие как *демократия, верховенство права, свобода слова и собраний, свобода совести и вероисповедания*. Эти ценности создают правовую основу, которая позволяет религиозной организации существовать, проповедовать и расти в светском обществе. В этом аспекте их позиция совпадает с общеевропейской. Одновременно «Слово жизни» демонстрирует жесткую оппозицию социальным и либеральным ценностям, причем наибольшие противоречия возникают в сфере социальной этики.

Необходимо подчеркнуть, что «Слово жизни» – это консервативная евангельская (харизматическая) церковь, чье социальное учение основано на буквальном толковании Библии. Поэтому она категорически выступает против тех либеральных норм, которые часто считаются частью современных «европейских ценностей». Так, Церковь придерживается строгого библейского взгляда на брак как на союз исключительно между мужчиной и женщиной. Она выступает против легализации однополых браков или партнерств и считает гомосексуальную практику грехом. Церковь отвергает идею «гендера» как социального конструкта, считая ее противоречащей библейскому учению о сотворении человека. Являясь частью пролайф-движения, «Слово жизни» выступает против абортов, рассматривая их как прерывание человеческой жизни. И, наконец, хотя Церковь функционирует в светских государствах, она выступает против агрессивного секуляризма, который пытается вытеснить религию из общественной жизни (например, из школ или публичного пространства). Таким образом, «Слово жизни» находится в «культурном конфликте» с современной Европой. Она поддерживает европейскую политическую модель (демократию и свободу), но отвергает ее *социально-либеральную повестку*. Лидеры «Слова жизни» (как и многие другие консервативные христиане) утверждают, что они защищают «истинные» (исторические, христианские) европейские ценности от «современных» (секулярных, либеральных) ценностей, которые они считают отступлением от веры и моральным упадком⁴¹.

Таким образом, даже религиозные меньшинства Армении, не обремененные проблемными взаимоотношениями с армянским государством и полностью принимающие либеральные правовые нормы, гарантирующие им физическую и юридическую безопасность, отвергают те же либеральные ценности, когда речь идет о вопросах личной и сексуальной свободы, противоречащих их догматам. Эти группы

---

⁴¹ См., например: Слово жизни (церковь) | это... Что такое Слово жизни (церковь)? <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/102461> (дата обращения: 22.11.2025); Юрий Рубинский, Европейские ценности, *Журнал Вестник Европы*, N26, 2009, <https://magazines.gorky.media/vestnik/2009/26/evropejskie-czennosti.html> (дата обращения: 22.11.2025).

выборочно применяют правозащитный дискурс: они используют его для собственной защиты, но выступают категорически против его расширения на другие меньшинства (например, ЛГБТК+).

6. Какая Церковь нужна «Новой Армении»?

Текущий конфликт между властью и Церковью в Армении ставит фундаментальный вопрос: смогут ли запланированные политической властью кадровые перестановки (смена иерархов) действительно решить проблему взаимоотношений двух институтов, если позиции самой Церкви по ряду принципиальных вопросов, основанные на традиционном христианском учении, останутся неизменными? Если конфликт выходит за рамки чисто политической сферы и затрагивает столкновение *«государственной рациональности»* отдельной политической силы с тысячелетней религиозной догматикой, можно ли ожидать, что Армянская Апостольская Церковь адаптируется к требованиям нынешней светской власти?

Политические власти РА игнорируют Арцахскую епархию ААЦ, рассматривая ее как представительницу *«реванистских сил»*, препятствующих установлению окончательного мира между Арменией и Азербайджаном. В то же время гипотетическое расформирование епархии с полным *«отказом»* ААЦ от своих исторических прав или, даже, признание Армянской Церковью т. н. *«Албано-удинской церкви»* с передачей ей Алуанкского престола и соответствующих прав на Арцах в рамках *«исторического примирения»*, позволило бы Азербайджану поставить окончательную точку в Карабахской проблеме по своему сценарию. В этой логике Карабахская война 2020-го и агрессия 2023-го перестали бы рассматриваться как акты агрессивной войны и этнической чистки от исконного христианского населения края, а приобрели бы вид *«исторического возвращения» «христианского албанского наследия»* в «родную гавань» – мусульманский тюркский Азербайджан.

Сможет ли официальный Ереван воздержаться от вовлечения в религиозные дела или будет вынужден под давлением Баку настаивать на изменении Армянской Церковью своей принципиальной позиции в данном вопросе – покажет время. Ясно одно: радикальное изменение позиции ААЦ по столь принципиальному вопросу лежит вне компетенции отдельной личности, какой бы высокий церковный или иной сан она ни занимала, и смена одного отдельно взятого иерарха мало что изменит в отношении Церкви к проблеме.

Вопрос о том, пойдет ли ААЦ когда-либо на пересмотр своего отношения к проблеме строительства крематория в РА и одобрит ли кремацию членов своей паствы, остается открытым. Уже достаточно давно секулярные власти (и не только нынешние) и часть общества указывают на *«рациональную необходимость»* таких изменений: нехватка земли, санитарные нормы, современные практики. Тем не менее Церковь продолжает блокировать инициативу, ссылаясь на христианские догматы о телесном воскресении и необходимости соблюдения традиций погребения. Аналогичные вопросы возникают и в отношении позиции Армянской Церкви относительно абортов и эвтаназии, а также ее

способности мобилизовывать общественное мнение для недопущения легализации и законодательного закрепления подобных практик в Армении.

В условиях текущего конфликта между властью и Церковью каждый отдельный случай отражает общую проблему: для более успешной (по сравнению с иными странами-кандидатами) интеграции Армении в общеевропейское пространство и построения «*современного государства*» от ААЦ, вероятно, будут требовать либо полной нейтральности и молчания, либо радикального изменения позиции по ряду чувствительных социальных вопросов, включая «*гендерные*» проблемы и расширение прав определенных меньшинств. На данный момент, при нынешнем церковном руководстве ААЦ, вне зависимости от приписываемых ему грехов, такое изменение представляется крайне маловероятным.

7. Заключение

Противостояние между правительством Армении и ААЦ – это не просто политическая борьба за влияние. Это глубинный экзистенциальный и цивилизационный конфликт. Геополитически он выражается в столкновении прозападного правительства с национальной институцией, которую власти воспринимают как носителя традиционалистских, а иногда и «чуждых» внешних (пророссийских) настроений. Идеологически – это противостояние между европейскими либерально-секулярными ценностями и традиционной христианской социальной догматикой, все еще актуальной в ряде стран того же Запада.

Сегодня Армянская Апостольская Церковь оказалась в положении, сравнимом с самым уязвимым периодом советского террора 1930-х годов: зажата между давлением собственного государства и требованиями глобальной модернизации. В этой связи ключевые политические и религиозные деятели, оказавшиеся на острие конфликта и движимые стремлением «*очищения*» ААЦ от «*негативных явлений*», могут довольно скоро столкнуться с ситуацией, когда изначально заявленные цели трансформируются в нечто совершенно иное, обусловленное чуждыми интересами и новыми обстоятельствами. В этой связи возникает вопрос: может ли кто-либо гарантировать, что формула «*Революция пожирает своих детей*» применима исключительно в сфере политики и не затрагивает и духовную жизнь?